

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальность)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовная ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи»

Студент

Н.А. Окунев

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, Р.В. Закомолдин

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2022

Аннотация

Актуальность темы. Государство старается обеспечить правосудие и должное функционирование уголовно-исполнительной системы и непосредственно учреждений, исполняющих уголовные наказания и меры уголовно-процессуального воздействия. В связи с этим выделяются соответствующие разновидности преступлений, совершаемых в данной сфере. Прежде всего, это побеги из специальных охраняемых мест лишения и ограничения свободы. Деятельность по профилактике, выявлению, квалификации, учету и расследованию побегов имеет определенные трудности и недостатки и нуждается в анализе и совершенствовании.

Объект исследования – общественные отношения, связанные с побегами из мест лишения свободы, предварительного заключения и из-под стражи.

Предмет исследования – положения уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства.

Цель исследования – комплексный анализ уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы, предварительного заключения и из-под стражи.

Задачи исследования:

- анализ становления уголовной ответственности за побеги;
- анализ понятия и места побега по УК РФ;
- анализ состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ;
- анализ проблем квалификации состава побега и его отграничения от других составов.

Структура работы: введение, три главы, шесть параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общая характеристика побега из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи по российскому законодательству.....	8
1.1 История становления уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи по российскому законодательству.....	8
1.2 Уголовная ответственность за побег из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи по УК РФ	18
Глава 2 Юридический анализ состава побега из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи (ст. 313 УК РФ)	29
2.1 Объективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ	29
2.2 Субъективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ	37
Глава 3 Проблемы квалификации побега из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи	46
3.1 Спорные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ	46
3.2 Отграничение состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, от смежных составов преступлений	52
Заключение	55
Список используемой литературы и используемых источников	59

Введение

В современной России правосудие и функционирование такой его части, как уголовно-исполнительная система и меры уголовно-процессуального воздействия, находятся под пристальным вниманием.

Государство старается обеспечить правосудие и должное функционирование уголовно-исполнительной системы и непосредственно учреждений, исполняющих уголовные наказания и меры уголовно-процессуального воздействия. В связи с этим выделяются соответствующие разновидности преступлений, совершаемых в данной сфере. Прежде всего, это побег из специальных охраняемых мест лишения и ограничения свободы. Деятельность по профилактике, выявлению, квалификации, учету и расследованию побегов имеет определенные трудности и недостатки и нуждается в анализе и совершенствовании.

Государство ставит задачу по обеспечению должного функционирования этой сферы и деятельность ее органов и учреждений. Это касается и их охраны, в том числе с помощью средств, мер и инструментов уголовно-правового характера [40]. Качество работы данной системы органов и учреждений обеспечивает должное исполнение судебных актов и достижение целей правосудия, а, в конечном итоге, надлежащее функционирование всех институтов государства и качество жизнедеятельности общества, а в целом – национальную безопасность страны.

Соответственно, правосудие – это обособленная значимая сфера государственного управления, реализуемая в интересах общества и нуждающаяся в охране. Одновременно правосудие охватывает практически все сферы жизнедеятельности общества, поскольку призвано обеспечивать правопорядок и законность в общественных отношениях. Более того, частью этого порядка является неотвратимость привлечения к ответственности субъектов, допустивших преступное нарушение установленных прав, требований и запретов.

Содержание главы 31 УК РФ охватывает судебную власть как государственно-правовую категорию, обеспечивающую осуществление правосудия.

Выделяются соответствующие разновидности преступлений, совершаемые в данной сфере. Среди них побег из мест лишения свободы, предварительного заключения и из-под стражи, поскольку они представляют собой общественно опасное явление, несущее массу негативных последствий материального, организационного и социального характера как для общества, так и для государства в лице правосудия и уголовно-исполнительной системы.

Соответственно, эти составы относятся к деяниям против правосудия, ФСИН России относит их к группе особо учитываемых, что говорит об их повышенной общественной опасности.

Так, «по данным ФСИН России, доля побегов в структуре преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы, в 2016 году составила 28,06%, в 2017 - 25,09%, в 2018 - 23,73%, в 2019 - 16,49 %, в 2020 - 13,65%» [38]. Продолжается рост рассматриваемых преступлений и в настоящее время: за 3 месяца 2021 г. их доля составила 15,3% [38].

По сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за преступление, предусмотренное ст. 313 УК РФ, в 2015 г. «было осуждено 197 человек, в 2016 – 140, в 2017 – 174, в 2018 – 168, в 2019 – 156, в 2020 – 101» [50].

Эксперты отмечают, что данная разновидность преступлений относится к категории высоко латентных, поэтому статистика не в полной мере отражает распространенность и масштабы как самих преступлений этого вида, так и их последствий [52].

Практика выявления, квалификации и расследования данных преступлений, фиксируемая в материалах уголовных дел, имеет массу проблем и трудностей. Так, расследование проводится без учета личности обвиняемых, что препятствует пресечению совершения аналогичных преступлений, снижает результативность следственных действий, не

позволяет выявлять истинные и конкретные причины и условия побега. Помимо этого, как правило, изначально присутствует предубежденность в виновности обвиняемого, что также негативно сказывается на качестве расследования (не прорабатывается возможная линия защиты обвиняемого, не применяется планирование расследования). Кроме того, отсутствует должное обобщение и анализ следственно-судебной практики, что также не способствует качеству и эффективности расследования, квалификации и профилактики таких преступлений [8].

Деятельность по профилактике, выявлению, квалификации, учету и расследованию такого явления как побеги из специальных охраняемых мест лишения и ограничения свободы имеет определенные сложности и требует анализа в целях совершенствования.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с побегами из мест лишения свободы, предварительного заключения и из-под стражи.

Предметом исследования являются уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за побег из мест лишения свободы и закрепленные в ст. 313 УК РФ.

Цель исследования – комплексный анализ вопросов законодательного закрепления и квалификации побегов из мест лишения свободы, предварительного заключения и из-под стражи.

Достижение цели исследования обеспечивается постановкой и решением задач:

- проанализировать становление уголовной ответственности за побеги;
- проанализировать понятие, признаки и место таких преступлений по действующему УК РФ;
- проанализировать признаки состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ;

- проанализировать квалифицирующие признаки преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ;
- проанализировать квалификацию побега из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи;
- проанализировать отграничения состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, от иных составов;
- проанализировать практику наказуемости за совершение преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ.

Методологическую базу исследования составили научные методы всестороннего объективного познания – исторический, диалектический, анализа, статистический и др.

Теоретическую основу составили труды известных отечественных ученых-криминологов, таких как Г.Н. Борзенков, В.С. Комиссаров, Л.В. Лобанова, С.М. Кочои, В.Н. Кудрявцев, А.В. Наумов, О.Г. Демидов, А.П. Кузнецов, С.В. Изосимов, А.А. Туркин, Ш.С. Рашковская, В.И. Власова, И.С. Тяжкова, М.Р. Симахин, А.В. Шеслер, В.П. Малков, А.Л. Жуйков и др.

Нормативно-правовая база – Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, иные акты федерального законодательства.

Практическую базу исследования составили данные официальной статистики ФСИН России, МВД России, Генпрокуратуры РФ, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, примеры судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 313 УК РФ.

Структурно работа состоит из введения, трех глав и шести параграфов, заключения и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика побега из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи по российскому законодательству

1.1 История становления уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи по российскому законодательству

Наше государство накопило богатый и разнообразный опыт уголовно-правового обеспечения государственной безопасности.

История возникновения и становления уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы, предварительного заключения и из-под стражи взаимосвязана и взаимообусловлена с историей обеспечения интересов правосудия уголовно-правовыми средствами.

В дореволюционный период истории России можно говорить только о некоторых бессистемных нормах, имевшихся в отдельных актах того времени.

Так, в Соборном Уложении 1649 г. содержалась норма о ложном доносе на бояр и воевод в связи с их обвинением в мздоимстве, а в Воинском артикуле 1715 г. – о лжесвидетельстве [56].

По Указу о подметных письмах 1726 г. доноситель должен был определить воровское содержание бумаги, не читая ее (ст. 3). Следовало передать на том основании ее в органы. Ранее такую бумагу следовало немедля сжечь. При этом одновременно с повышением награды за сдачу такой бумаги ужесточалось до смертной казни наказание за недоносительство [49].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало ответственность за учинение препятствий правосудию и работе полиции (ст. ст. 394-400) [1].

Уголовное Уложение 1903 г. также включало нормы о недонесении (ст.ст. 162-164) и укрывательстве (ст.ст. 167, 169), а также о служебном попустительстве в связи с непринятием госслужащими мер по преследованию

преступлений или по приведению в исполнение вступивших в силу решений суда (ст.ст. 616-619, 639), а также мер по предупреждению и пресечению преступлений (ст.ст. 643, 644) [32].

В первые годы советской власти утвердилась практика принятия специальных актов и норм о преступлениях против правосудия.

Так, Декретом ВЦИК «О лагерях принудительных работ» 1919 г. за побег предусматривалась кара вплоть до смертной казни. Кроме того, к ответственности привлекались все сокамерники бежавшего.

По Положению об общих местах заключения РСФСР 1920 г. в случае, если заключенный бежал, отбыв в заключении менее года, данный срок не засчитывался ему в отбытую часть наказания.

В Декрете СНК о наказании 1921 г. была установлена ответственность за ложные доносы и ложные показания [41].

УК РСФСР 1922 г. предусматривал целый ряд специальных статей о преступлениях против правосудия, которые были рассредоточены по кодексу. В первую очередь, ответственность наступала за недонесение о подготовке и совершении контрреволюционных преступлений [18].

УК РСФСР 1926 г. также содержал статьи о преступлениях против правосудия: «постановление неправосудного приговора» (ст. 114); «незаконное задержание, незаконный привод, принуждение к даче показаний» (ст. 115); «заведомо ложные донос и показание» (ст. 95); «уклонение или отказ свидетеля, эксперта, переводчика, понятого, народного заседателя от выполнения своих обязанностей, воспрепятствование явке свидетеля или народного заседателя для исполнения своих обязанностей» (ст. 92); «оглашение данных предварительного следствия, дознания или ревизионного обследования» (ст. 96); «самовольное временное оставление назначенного постановлением судебного или административного органа местопребывания, неявка в срок к назначенному месту жительства; незаконное освобождение арестованного из-под стражи или из места заключения либо содействие его побегу» (ст. 81), а также непосредственно «побег арестованного из-под

стражи, места заключения, места обязательного поселения или пути следования к нему» (ст. 82).

УК РСФСР 1960 г. был дополнен новыми составами преступлений против правосудия: «привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности» (ст. 176), «понуждение свидетеля или потерпевшего к даче ложных показаний или эксперта к даче ложного заключения либо подкуп этих лиц» (ст. 183), «растрата, отчуждение или сокрытие имущества, подвергнутого описи или аресту» (ст. 185), «укрывательство преступлений» (ст. 189), «недонесение о преступлениях» (ст. 190).

Произошла декриминализация деяний небольшой степени опасности, ужесточение ответственности при наличии квалифицирующих признаков, выделение некоторых составов в отдельные статьи (принуждение к даче показаний, заведомо ложный донос, заведомо ложное показание, уклонение от отбывания наказания осужденного, которому разрешен краткосрочный выезд из мест лишения свободы, а равно осужденного, отбывающего наказание в колонии поселения и др.) [49].

В итоге в главе «Преступления против правосудия» УК 1960 г. было уже 15-ть таких составов (ст. ст. 176-190), т.е. охрана правосудия возросла.

Позднее, в конце 1980-х – начале 1990-х гг., дополнительно появились составы посягательств на лиц, осуществляющих правосудие, и на нормальную деятельность учреждений УИС [32].

Побеги как уголовно-наказуемое посягательство на правосудие также имеют свою историю становления.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало уголовную ответственность и за сам побег, и за содействие его совершению (ст. 309). Ответственность была дифференцирована, поэтому статья включала три части [1].

В Уголовном уложении 1903 г. в главе «О противодействии правосудию» также были составы побегов из мест лишения свободы: побег с поселения (ст. 175) и побег с каторги (ст. 176) [12].

Начиная с 1917 г. менялась как система управления государством, так и законодательство как его правовая основа. После Октябрьской революции 1917 г. советское государство приступило к слому старой тюремной системы. В условиях гражданской войны, хозяйственной разрухи, роста преступности и масштабных внесудебных репрессий в экспериментальном порядке создавались опытные образцы новых мест лишения свободы, деятельность которых была далека от идеала. Одной из трудно решаемых проблем, вставших перед советским государством, являлась именно борьба с побегами из мест лишения свободы и предварительного заключения, и даже спустя многие годы ее не удалось решить полностью. Так, по данным И.С. Власова и И.М. Тяжковой, «в 1940 г. было совершено 11813 побегов, в 1941 г. – 11798, в 1942 г. – 11822 побега. В среднем за год бежало 0,36 % лиц, находившихся в заключении» [5].

В первые послереволюционные годы уголовная ответственность за побег не устанавливалась. К лицам, решившимся на это, представителями органов, исполнявших наказания в виде лишения свободы, применялись меры внесудебного порядка.

Особенность заключалась в том, что регламентировался не только порядок отбывания наказания, но и формирование специальных подразделений в местах заключения.

Так, Временная инструкция Наркомюста «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового» регулировала порядок исполнения лишения свободы. А для целей конвоирования контрреволюционных элементов и уголовных преступников, а также для обороны и охраны ИТУ была создана конвойная стража.

Декрет ВЦИК «О лагерях принудительны работ» 1919 г. предусматривал в качестве ИТУ исправительные лагеря, в которые помещались заключенные по решению как судов, так и отделов ВЧК, реввоенрибуналов и иных спецструктур. Находились такие лагеря в ведении НКВД [18].

Также предусматривалась жесткая и дифференцированная уголовная ответственность за побег из мест лишения свободы. Так, за первый побег срок наказания увеличивался в «10 раз, за повторный побег виновный попадал по трибунал и мог быть приговорен к смертной казни. В качестве места совершения данных деяний выступали лагеря и места отбывания работ, а субъектами – лица, отбывающие лишение свободы» [18].

Для предотвращения побегов предусматривалась возможность установления круговой поруки заключенных. За побег одного заключенного ответ несли все его сокамерники, что, по мнению законодателя, способствовало повышению их «бдительности» и заинтересованности в предотвращении побегов из мест лишения свободы [48].

Положение об общих местах заключения 1920 г. большое внимание уделяло побегам и их предупреждению.

В целях усиления репрессивного воздействия на заключенных, совершивших побег, в Положении об общих местах заключения РСФСР 1920 г. определялось, что лицам, совершившим побег, время, проведенное в заключение до побега, не засчитывается в срок наказания, если оно не превышает одного года. Лица, возвращенные после побега в место лишения свободы, зачислялись в штрафной разряд с самыми строгими режимными правилами.

«Заключенным разрешалось иметь в камерах свои вещи, но только при невозможности их использования для побега и насилия. Если заключенный по медицинским показаниям направлялся в обычную больницу, то администрация должна была принять меры для предупреждения побега. В штрафных изоляторах были условия еще большей изоляции. Если имелись данные, что готовится побег, то подозреваемые в этом субъекты помещались в одиночные либо в специальные общие камеры под особый надзор. То есть велась индивидуальная предупредительная работа с заключенными, склонными к побегу» [13].

«Во время трудовой деятельности администрация также принимала меры по недопущению побегов. Инструменты выдавались только по специальному распоряжению, в процессе работы осуществлялся постоянный надзор, на работы за пределами места отбывания наказания привлекались только не склонные к побегу заключенные, обеспечивалось конвоирование и внешнее наблюдение» [13].

«В тех случаях, когда заключенные долгое время постоянно находились за пределами места заключения, все помещения оборудовались специальными приспособлениями для предотвращения побегов. Надзирателей должны были в целях профилактики побегов ежедневно проверять двери, решетки и пр.» [13].

«Общий и специальный порядок применения оружия, в том числе и при пресечении побегов, определялись специальными актами. Применение оружия рассматривалось как крайняя мера, когда все иные меры и способы пресечения побега были исчерпаны» [19].

«В случае задержания беглеца время, проведенное им в заключении до совершения побега, в зачет не шло. Также беглецов после задержания и возвращения в места заключения переводились в штрафной изолятор под особое наблюдение» [19].

По УК РСФСР 1922 г. ст. 95 о побегах размещался в разделе «О преступлениях против порядка управления» в главе «Государственные преступления»: «Побег арестованного из-под стражи или из места заключения, учиненный посредством подкопа, взлома или вообще повреждения затворов, стен и т.п., а равно побег с места высылки или с пути следования к ней карается лишением свободы на срок не ниже одного года» [41].

В качестве места совершения преступления определялось не только основное здания учреждения, но и иные помещения, где постоянно или временно размещались заключенные (арестантские вагоны, здания суда и пр.). Также обозначался способ совершения преступления – подкоп, взлом,

повреждение затворов, стен и т.д. То есть пристальное внимание уделялось объективным признакам состава этого преступления.

Специфика заключалась в том, что «криминообразующими признаками побега выступали квалифицирующие признаки, а простой побег квалифицировался как дисциплинарный проступок и влек дисциплинарную ответственность» [4].

Так, в определении Московского городского суда от 1 февраля 1923 г. говорилось: «Побег арестованного из-под стражи карается в том лишь случае, если он учинен посредством взлома, подкопа и вообще повреждения затворов, стен и т.п., или же насилия над стражей. Побег, учиненный без указанных признаков, не содержит в себе состава преступления» [13].

Также УК 1922 г. предусматривал ответственность за незаконное освобождение арестованного из-под стражи или из места заключения (ст. 94). Наказание за это преступление устанавливалось в виде лишения свободы на срок от одного года, а в случае насилия над стражей такие действия карались лишением свободы на срок от двух лет.

Циркуляром НКЮ 1923 г. давались разъяснения относительно применения ст. 95 УК. Прежде всего, указывалось на «необходимость точного соблюдения порядка привлечения к ответственности за побег и отмечалось, что данная норма устанавливает уголовную наказуемость только при отягчающих обстоятельствах, а побег арестованных, совершенные при отсутствии таких обстоятельств, наказываются в дисциплинарном порядке» [48].

Постановлением ВЦИК от 16 ноября 1924 г. была исключена уголовная ответственность за побег, совершенный путем подкопа, взлома и повреждения затворов, стен и т.п., поскольку «он не может быть совершен там, где места заключения соответствуют своему назначению, в связи с чем наказание за побег, будучи фактически карой заключенного за плохое состояние мест заключения и за ненадлежащее выполнение должностными лицами мест

лишения свободы своих обязанностей, не может применяться к лицу, его совершившему» [41].

Ю.М. Ткачевский считал приемлемым такое обоснование отказа от уголовной ответственности заключенных за побег. Более того, он полагал, что «государство обязано обеспечивать изоляцию осужденного (заключенного) от общества, а последний в силу своего прирожденного права на свободу передвижения имеет право преодолеть эту изоляцию» [55].

ИТК РСФСР 1924 г. содержал меры дисциплинарной ответственности заключенных за побег. В случае побега или покушения на побег из мест лишения свободы или из-под стражи с применением насилия над стражей, подкопа, взлома или повреждения затворов, стен и т.д. для них изменялся режим содержания – беглецы после возвращения переводились под усиленное наблюдение. При этом время нахождения в бегах не засчитывалось в срок отбываемого наказания [13].

В ст. 82 УК РСФСР 1926 г. законодатель вернулся к редакции ст. 95 УК РСФСР 1922 г., устанавливающей уголовную ответственность лишь за побег арестованного из-под стражи или из мест лишения свободы, совершенный путем подлога, взлома или повреждения стен, запоров. Кроме того, ч. 1 ст. 82 закрепила ответственность и за иной состав преступления – побег по пути следования в поселение или места поселения, а также за возврат в места, в которых проживание лицу запрещено.

В УК РСФСР 1922 и 1926 гг. не предусматривалась ответственность за квалифицированные виды побегов.

В УК РСФСР 1960 г. концепция уголовной ответственности за побег осужденных или арестованных из мест лишения свободы кардинально изменилась. Прежде всего, в ст. 188 было отменено деление побегов заключенных на преступления и дисциплинарные проступки. В ч. 2 этой статьи впервые вводилась ответственность за квалифицированные виды анализируемого преступления. Обстоятельствами, квалифицирующими побег, признавались: «повторность побега; его совершение по

предварительному сговору группой лиц; побег с завладением оружием или его использованием; побег с применением насилия либо способом, создающим угрозу для жизни и здоровья других лиц; побег с повреждением инженерно-технических средств охраны или путем подкопа» [5]. За квалифицированный побег предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет.

Повторное совершение побега определенным образом характеризовало личность субъекта как склонного к побегам. Это определяло и режим его содержания и применяемые к нему меры профилактики и предупреждения побегов. Это обстоятельство являлось предметом исследований специалистов советского периода [30] [53].

11 января 1977 г. Указом Президиума Верховного Совета в УК 1960 г. была включена ст. 188¹ об ответственности за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы – «невозврат осужденных в колонию из краткосрочного выезда, а равно осужденных, отбывающих наказание в колониях-поселениях».

В уголовных кодексах республик СССР значились в основном аналогичные условия ответственности за побег. Отличия касались лишь квалифицирующих обстоятельств.

Статистика советского периода была такова, что, например, «в 1970-1980-х гг. из расчета на 100 тыс. чел. совершалось в три раза больше побегов из следственных изоляторов, чем из колоний. Лица, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершали в три раза больше побегов по сравнению с иными заключенными. Средний возраст мужчин, отбывавших наказание в виде лишения свободы, составлял 32,3 года, а средний возраст лиц, совершающих побег – 26 лет. При этом более 60% лиц, совершавших побег, находились на профилактическом учете, что свидетельствует о пробелах в организации работы оперативно-розыскной службы в местах лишения свободы» [34].

Таким образом, в целом можно выделить три этапа становления законодательства об уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы, предварительного заключения и из-под стражи – дореволюционный, советский и современный.

В дореволюционный период законодатель относил побег к преступлениям против порядка управления. Уголовная ответственность устанавливалась как за сам побег, так и за содействие его совершению.

В советский период на начальном этапе меры реагирования на побег были весьма жестокими – вплоть до смертной казни. Данная мера была не гуманна, но крайне эффективна. Отмечается, что после массового расстрела заключенных, существенно сократилось число преступлений, связанных с дезорганизацией нормальной деятельности ИУ. Преступники, промышлявшие ранее данными видами преступлений, почувствовали настоящую опасность и на протяжении нескольких лет никак не проявлялись.

Позже, начиная с 1920-х гг. репрессивные меры противодействия побегам стали сменяться профилактическими мерами. Так, УК РСФСР 1922 г. закреплял уголовную ответственность только за побег при отягчающих обстоятельствах. В иных случаях побег квалифицировался как дисциплинарный проступок и влек дисциплинарную ответственность.

Ситуация ухудшилась с началом войны. Из-за острого дефицита боевой силы осужденным, отбывавшим наказание за мелкие и бытовые преступления, было предложено искупить вину на передовой. Многие выбирали свободу и покидали места заключения, отправляясь на фронт. Это поспособствовало тому, что в пределах исправительных учреждений наказание оставались отбывать по большей части лица, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления. Но, с другой стороны, данный контингент проявил криминальную активность – участились акты саботажа, появились новые группировки, участились факты ведения дезорганизационной деятельности, местами в ИТЛ даже возникали вооруженные восстания.

Далее по УК 1960 г. отсутствовала дифференциация ответственности за побег, имел место единственный квалифицирующий признак – насилие над стражей. Далее наступило некоторое затишье в создании и реформировании уголовных норм. Долгое время не создавались новые нормативные акты, которые могли бы регламентировать и закреплять уголовную ответственность за побег.

Таким образом, институт уголовной ответственности за побег прошел длительный, сложный и многоэтапный путь становления.

1.2 Уголовная ответственность за побег из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи по УК РФ

Современный период характеризуется коренными преобразованиями, реформированием и модернизацией как государственного устройства, так и законодательства. Реформирование всех сфер жизни государства и общества опираются на действующую Конституцию РФ, которая была принята в 1993 году, а в 2020 году также была подвергнута реформированию и преобразованию [27].

Как закреплено в ст. 10 Конституции РФ, государственная власть в России осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, которые относительно самостоятельны, взаимосвязаны и взаимообусловлены, составляя единую систему. Судебная ветвь власти относительно обособлена, независима и «призвана защитить конституционные права и свободы граждан, обеспечивать разрешение возникающих в обществе конфликтов на основе права и осуществить правовой контроль за деятельностью всех субъектов общественной жизни» [31].

Соответственно, правосудие – это обособленная значимая сфера государственного управления, реализуемая в интересах общества и нуждающаяся в охране.

Содержание главы 31 УК РФ охватывает судебную власть как государственно-правовую категорию, обеспечивающую осуществление правосудия. Поскольку Конституция РФ закрепляет разделение государственной власти на ветви, правосудие есть прерогатива именно судебной власти, и никакие иные структуры не могут осуществлять эту функцию и претендовать на отправление правосудия.

Одновременно правосудие охватывает практически все сферы жизнедеятельности общества, поскольку призвано обеспечивать правопорядок и законность в общественных отношениях. Это касается и публичной и частной сферы. Более того, частью этого порядка является неотвратимость привлечения к ответственности субъектов, допустивших преступное нарушение установленных прав, требований и запретов.

Эксперты отмечают, что «в уголовном праве «правосудие» объединяет группу близких между собой общественных отношений, требующих правовой защиты и обеспечивающих строго регламентированную законом деятельность суда, осуществляющего конституционное, гражданское, арбитражное, административное уголовное судопроизводство, а также иных органов и лиц, в этом ему содействующих. Данным термином охватывается видовой объект самостоятельной группы преступлений» [32].

«Правосудие – одна из форм государственной деятельности, заключающаяся в рассмотрении и разрешении судами общей юрисдикции, а также арбитражными судами дел в порядке гражданского, уголовного, административного и арбитражного судопроизводства. Для осуществления правосудия помощь и содействие суду оказывают другие государственные органы: прокуратура, органы дознания и предварительного следствия, учреждения, исполняющие вступившие в законную силу приговоры, решения и иные судебные акты. Нормами, охватывающими преступления против правосудия, охраняется деятельность не только судов, но и перечисленных органов, без деятельности которых выполнение судом функции правосудия было бы затруднительно или даже невозможно» [31]; [59].

Соответственно, «преступления против правосудия – это посягательства на правильную нормальную деятельность органов предварительного следствия, дознания по всестороннему и объективному расследованию преступлений, судебных органов по правильному разрешению дел, уголовно-исполнительных органов по надлежащему исполнению судебных решений» [31]; [47].

Рассматривая вопрос о понятии и признаках преступлений, связанных с побегом из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи важно, что общественная опасность данных деяний выражается в том, что они несовместимы с интересами правосудия, исключают возможность должного исполнения приговоров судов, а потому относятся к преступлениям, посягающим на правосудие.

В УК РФ предусмотрена ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313) и за уклонение от отбывания лишения свободы (ст. 314) [62].

Соответственно, эти составы относятся к деяниям против правосудия, ФСИН России относит их к группе особо учитываемых, что говорит об их повышенной общественной опасности [38].

Специалисты преступления против правосудия определяют как «умышленно совершенные деяния, нарушающие правильную работу суда и других органов, действующих в системе осуществления правосудия, совершаемые должностными лицами указанных органов или гражданами, обязанными содействовать либо не препятствовать этой деятельности» [28].

«В зависимости от субъекта преступления против правосудия классифицируются на совершаемые:

- должностными лицами – работниками органов дознания, следствия, прокурорами, судьями (ст.ст. 299, 300-302, 305, 311 УК РФ);
- частными лицами (ст.ст. 295-298, 306, 308-310, 316 УК РФ);
- как должностными, так и частными лицами (ст.ст. 294, 304, 307, 312, 315 УК РФ);

- лицами, в отношении которых происходит исполнение приговора или решения суда (ст.ст. 313, 314 УК РФ)» [32].

Несмотря на различия в субъектном составе, по своей направленности данных деяний одинаковы и посягают на интересы правосудия, причиняя вред реализации его целей и задач [2].

В структуре совершаемых преступлений они не очень значительны. Но за последние десять лет их число увеличилось вдвое [37]; [38]; [39]. При этом они в значительной степени латентны, что негативно влияет на их выявление, а значит и на охрану интересов правосудия [11].

Ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи по УК РФ предусмотрена в ст. 313.

При этом при наличии квалифицирующих признаков данное преступление признается тяжким, что говорит о степени его опасности и вредоносности.

Среди составов против правосудия побег в большей степени распространен. Например, Л.В. Лобанова отмечает, «среди преступлений против правосудия побег значатся на третьем месте и составляют 10%» [33].

«Общественная опасность побегов обусловлена тем, что они противодействуют исполнению приговора или меры процессуального принуждения, реализации задач и целей лишения свободы и ареста, подрывают авторитет органов уголовно-исполнительной системы и предварительного расследования. Такие лица, находясь на свободе, нередко совершают новые преступления. Кроме того, всякий побег в какой-то мере дезорганизует работу не только органов уголовно-исполнительной системы, но и территориальных органов внутренних дел, вынужденных отвлекать личный состав от выполнения непосредственных обязанностей, участвовать в поиске и задержании преступника» [9].

Следует остановиться более подробно на признаках преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ.

«Основным непосредственным объектом побега являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность по исполнению судебного акта (приговора, постановления суда о заключении под стражу в качестве меры пресечения)» [21].

«Наличие некоторых квалифицирующих признаков позволяет говорить о дополнительном непосредственном объекте» [22]. Например, «совершение побега с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, приводит к тому, что виновный также посягает и на общественную безопасность» [19]. При применении насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, дополнительно причиняется вред жизни и здоровью личности.

«Объективная сторона побега состоит в незаконном самовольном оставлении осужденным к лишению свободы, аресту либо лицом, содержащимся под стражей, места лишения свободы, арестного дома, места содержания или нахождения под стражей» [23].

«Данное преступление может быть совершено только активными действиями, направленными на незаконный и самовольный уход из указанных мест. Незаконность и самовольность действий означают, что виновный, не имея юридических оснований, без разрешения администрации учреждения, должностного лица покидает место заключения и делает это исключительно по собственному усмотрению» [24].

«Обязательным признаком объективной стороны является место совершения преступления» [25].

Местами лишения свободы в соответствии со ст. 74 УИК РФ являются: исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения [60]. В соответствии со ст. 68 УИК РФ лица, которым назначено наказание в виде ареста, отбывают наказание по месту осуждения в исправительных учреждениях со строгой изоляцией – арестных домах [60]. В настоящее время нет необходимых условий и самих арестных

домов для применения и исполнения ареста в качестве уголовного наказания [60]; [62].

К местам содержания под стражей Закон относит следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы, изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел [63].

В ст. 40 УПК РФ допускается задержание подозреваемых в совершении преступлений капитанами морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, руководителями геологоразведочных партий и зимовок в период отсутствия транспортных связей [61]. В качестве мест содержания под стражей в таком случае рассматриваются приспособленные для этого помещения.

Местами содержания под стражей являются также:

- спецтранспорт для конвоирования заключенных;
- помещения суда и зал судебных заседаний;
- помещения и рабочие кабинеты органов прокуратуры, следствия и дознания;
- иные места и помещения, где проводятся следственных или судебных действия [20].

Уклонение от предписанного маршрута следования осужденного к лишению свободы, которому разрешено передвижение без конвоя, побегом не является, если это сделано без цели уклониться от отбывания наказания. Такие действия признаются нарушением режима содержания исправительного учреждения и влекут дисциплинарную ответственность [54].

Признак времени для рассматриваемого состава не обозначен в ст. 313 УК. Но, полагаем, оно является обязательным объективным признаком состава этого преступления. Это период времени, в течение которого осужденный отбывает наказание в виде лишения свободы или ареста до освобождения. Для обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых суд избрал меру пресечения в виде содержания под стражей,

временем совершения преступления следует считать срок содержания под стражей [21].

Состав рассматриваемого преступления по конструкции формальный. Ключевым признаком является деяние, выраженное в активных действиях, направленных на побег [22].

Поскольку состав формален, то последствия и причинная связь не обязательны.

Окончен состав с момента, когда «виновный покинул пределы охраняемой территории исправительного учреждения, места содержания под стражей, вышел из-под контроля работников охраны (конвоя) и получил реальную возможность самостоятельно избирать маршруты движения и места пребывания» [23].

Побег – преступление длящееся и длится либо до задержания лица, либо до его явки с повинной [36]. Срок давности в отношении длящихся преступлений исчисляется со времени их прекращения по воле виновного или по не зависящим от его воли причинам [51].

Но также есть мнение, что «уклонение субъекта от отбывания наказания, нельзя рассматривать в качестве типично длящегося преступления. Побег из места заключения или из-под стражи всегда имеет конкретное место совершения, в качестве которого выступает место дислокации учреждения, где находился осужденный или арестованный. С момента оставления указанного учреждения побег признается оконченным преступлением, а дальнейшая деятельность субъекта коренным образом изменяется и не приобретает характера тождественных действий, как при незаконном ношении оружия или другом типично длящемся преступлении. Последующее поведение лица, выражающееся в том, что он скрывается от следствия и суда, от отбывания наказания, находится за пределами состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ» [57].

«Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом – лицо осознает общественно опасный характер совершаемого

побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (интеллектуальный момент) и желает совершить эти действия (волевой момент)» [58].

«Мотив и цель могут быть различными и не являются обязательными признаками данного состава преступления. Чаще всего побеги совершаются из-за нежелания отбывать наказание, иногда с целью реализовать свои замыслы на свободе, которые затруднительно осуществить в условиях изоляции от общества» [59].

В.Г. Шумихина пишет: «цель уклониться от отбывания лишения свободы является обязательным признаком побега. Она позволяет отграничить уголовно наказуемое деяние от дисциплинарного проступка, выразившегося в самовольном оставлении места лишения свободы. Особое значение установление такой цели приобретает при рассмотрении дел о побегах расконвоированных осужденных» [66].

Субъект преступления специальный – лицо старше 16 лет, отбывающее наказание в виде лишения свободы или ареста, либо находящееся под стражей.

В.П. Малков полагал, «субъектом данного преступления не могут быть лица, задержанные в качестве подозреваемых в порядке ст. 91 УПК РФ и водворенные в камеру изолятора временного содержания, поскольку они не считаются находящимися в предварительном заключении» [35].

Это мнение спорно, поскольку законодатель не исключает возможность содержания под стражей в ИВС, то есть рассматривает эти учреждения в качестве мест предварительного заключения.

В случае незаконного оставления места содержания под стражей задержанные несут ответственность по ст. 313 УК РФ за побег [59].

За побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи в санкции ч. 1 ст. 313 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет (небольшая степень тяжести).

В ч. 2 ст. 313 УК РФ предусмотрена ответственность за побег, «совершенный группой лиц по предварительному сговору или организованной группой».

Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи следует считать совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали два и более лица, заранее договорившихся о совместном совершении побега.

Побег может быть совершен как посредством соисполнительства (без распределения ролей), так и с распределением ролей между соучастниками. Например, если, заранее договорившись, один субъект отключает технические средства охраны, а другой, в связи с этим, совершает побег. Действия первого в таком случае квалифицируются как пособничество побегу (ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 313 УК РФ) [52]. Если имела место обычная согласованность действий, а сговор отсутствовал, то данный признак отсутствует.

Сговор считается предварительным, если он состоялся до начала выполнения объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ.

Сговор может различаться по объему. Например, может иметь место либо лишь общая договоренность, без конкретики, либо детальная [65].

Побег признается совершенным организованной группой, если он совершен устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для незаконного оставления места лишения свободы, ареста или содержания под стражей.

Организованная группа отличается устойчивостью и организованностью. Устойчивость предполагает, что члены группы преследуют цель совершить несколько преступлений в течение продолжительного времени, находясь под стражей или будучи лишены свободы [6]. Организованность указывает на тщательное предварительное планирование, распределение ролей, приискание орудий и средств.

Не исключается, что в качестве организатора побега может выступить сотрудник администрации исправительного учреждения. Тогда его действия

должны квалифицироваться по совокупности ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 313 и ст. 285 УК РФ [36].

Наказание по ч. 2 ст. 313 УК РФ предусмотрено в виде лишения свободы на срок до пяти лет (средняя степень тяжести).

В ч. 3 ст. 313 УК РФ закреплены два квалифицирующих признака – совершение деяния, предусмотренного ч. ч. 1 или 2 указанной статьи: с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. «Под насилием, опасным для жизни и здоровья, следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение потерпевшему тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью» [42]. Причинение смерти не попадает в рамки ч. 3 ст. 313 УК РФ, а требует квалификации по совокупности со ст. 105 УК РФ [29].

По ч. 3 содеянное относится к категории тяжких и наказывается лишением свободы на срок до восьми лет.

Квалифицирующие признаки выражают дифференциацию ответственности, повышают общественную опасность содеянного и ужесточают наказание.

Таким образом, рассмотрев основной, квалифицированный и особо квалифицированный составы побега (ст. 313 УК), можно сформулировать промежуточные выводы.

Соответственно, правосудие – это обособленная значимая сфера государственного управления, реализуемая в интересах общества и нуждающаяся в охране.

Содержание главы 31 УК РФ охватывает судебную власть как государственно-правовую категорию, обеспечивающую осуществление правосудия. Поскольку Конституция РФ закрепляет разделение государственной власти на ветви, правосудие есть прерогатива именно судебной власти, и никакие иные структуры не могут осуществлять эту функцию и претендовать на отправление правосудия.

Одновременно правосудие охватывает практически все сферы жизнедеятельности общества, поскольку призвано обеспечивать правопорядок и законность в общественных отношениях. Это касается и публичной и частной сферы. Более того, частью этого порядка является неотвратимость привлечения к ответственности субъектов, допустивших преступное нарушение установленных прав, требований и запретов.

Общественная опасность данных деяний выражается в том что они несовместимы с интересами правосудия, исключают возможность должного исполнения приговоров судов.

Сегодня эти деяния законодатель расценивает как преступления против правосудия. При этом в системе ФСИН России они относятся к группе особо учитываемых преступлений, что говорит об их повышенной общественной опасности.

Несмотря на различия в субъектном составе направленность данных деяний едина, и они посягают на интересы правосудия и причиняют вред реализации его целей и задач.

Данная разновидность преступлений в структуре преступности не выглядит угрожающе. Официально их доля в общих показателях преступности незначительна, но за последние десять лет их число увеличилось вдвое. При этом специалисты отмечают их высокую степень латентности, что негативно влияет на их выявление и охрану интересов правосудия.

При наличии квалифицирующих признаков преступление признается тяжким, что говорит о степени его опасности и вредоносности.

Так же следует отметить, что под побегом понимается самовольное незаконное оставление мест лишения свободы, предварительного заключения или содержания под стражей, иных охраняемых помещений или из-под конвоя.

Глава 2 Юридический анализ состава побега из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи (ст. 313 УК РФ)

2.1 Объективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ

Объективные признаки в структуре всякого состава определяют содержание объекта и объективной стороны.

Основным объектом по ст. 313 УК РФ являются интересы правосудия в сфере исполнения судебных решений [10] [33]. Дополнительный объект – нормальная деятельность мест лишения свободы, ареста, содержания под стражей. Если побег сопровождался признаками, указанными в ч. 3 ст. 313 УК РФ, то в качестве дополнительного объекта выступает также здоровье человека.

«Общественная опасность побега заключается в том, что прерывается отбывание наказания лицом, осужденным к лишению свободы, что противодействует исполнению приговора суда, прерывается исполнение решения суда об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, затрудняется либо делается невозможным производство предварительного расследования и судебного рассмотрения дела, если лицо находится под стражей в порядке меры пресечения, т.е. наносится ущерб интересам правосудия. Кроме того, в определенной мере дезорганизуется деятельность исправительного учреждения или правоохранительного органа в связи с отвлечением сил и средств для поиска и задержания бежавшего, создается опасность совершения этим лицом нового преступления, порождается сомнение у населения в способности специально созданных на то органов обеспечивать надежную изоляцию преступников от общества» [51].

Характеристики личности субъекта имеют важное значение и даже определяющее, например, при назначении и применении уголовного наказания. В первую очередь, это касается наказаний, которые реализуются лишь при выполнении осужденным требований приговора суда. Речь идет, прежде всего, о лишении свободы.

Ответственность за побег устанавливается в связи с необходимостью обеспечить надлежащее применение мер процессуального принуждения и обеспечить эффективное отправление правосудия.

Поэтому объектом этого состава являются не только отношения между государством и лицом, совершившим преступление, по поводу уголовной ответственности, как полагают отдельные авторы [40].

В то же время нельзя утверждать, что объектом данного преступления является нормальная деятельность учреждений, ведающих исполнением наказания в виде лишения свободы, а также следственно-судебных структур [17]. Широта такого подхода не учитывает особенностей этого состава и не позволяет выделить его среди преступлений против порядка управления в целом и против правосудия в частности.

Прежде всего, это преступление направлено на порядок исполнения судебных решений и иных процессуальных актов, учитывая их обязательность тех, в отношении кого они вынесены [10]; [33].

Такие отношения подразделяются на «две группы:

- направленные на обеспечение обязательности судебных актов в части отбытия срочного и пожизненного лишения свободы;
- направленные на обеспечение обязательности процессуальных актов о применении принудительных мер воздействия (арест, стража)» [54].

Общественная опасность побегов связана также с тем, что субъекты не только игнорируют установки государственной правоохранительной системы, но и в дальнейшем продолжают свое противоправное поведение, совершая новые преступления.

По данным МВД РФ, «в 23,52% случаев побегов, ставших предметом рассмотрения судов, они стали предпосылкой совершения новых преступлений, причем в большинстве своем тяжких и особо тяжких» [37].

По данным Генпрокуратуры РФ, «в 1997 г. побеги составляли 19,7% от общего числа зарегистрированных преступлений против правосудия, в 1998 г. – 16,1%, в 1999 г. – 14,8%, в 2000 г. – 13,4%, а в 2020 г. – 13,6%» [39].

С объективной стороны, прежде всего, важно место, то есть где совершается деяние – «место лишения свободы, место отбывания ареста, место нахождения под стражей» [62].

Согласно ст. ст. 73 и 74 УИК РФ, «местом лишения свободы являются исправительные учреждения, к которым закон относит колонии-поселения; исправительные колонии общего, строгого и особого режима, воспитательные колонии для несовершеннолетних, тюрьмы, лечебно-исправительные учреждения» [60].

Согласно ч. 1 ст. 74 УИК РФ, «в отношении осужденных, оставленных в СИЗО для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, а также в отношении осужденных на срок не свыше шести месяцев, оставленных в данных учреждениях с их согласия, функции исправительного учреждения выполняют следственные изоляторы» [60].

Такое решение может быть принято:

- при необходимости участия в следственных действиях в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого;
- при необходимости участия в судебном разбирательстве в качестве свидетеля, потерпевшего, обвиняемого;
- если осужденный привлекается к уголовной ответственности по другому делу и в отношении него избрана мера пресечения в виде заключения под стражу [29].

Если лицо было заключено под стражу в качестве меры пресечения по другому делу и совершило побег из СИЗО, то это не побег из места лишения

свободы как места отбывания наказания, а побег из места предварительного заключения [20].

Когда осужденного оставляют после вынесения приговора в СИЗО в целях обеспечения его участия как свидетеля или потерпевшего, то для таких лиц такое содержание это уже не является предварительным заключением, а СИЗО не является для них исправительным учреждением (ч. 1 ст. 74 УИК).

Налицо явная несостыковка положений статей 74 и 77 УИК. Необходимо дополнить ч. 1 ст. 74 УИК указанием на то, что «такие осужденные считаются отбывающими наказание».

В теории воспринят расширенный подход к трактовке перечня мест лишения свободы, когда к таковым относят также дисциплинарную воинскую часть и арестные дома [21]. Но при этом в самой ст. 313 УК «место лишения свободы» закреплено не в широком смысле, как место изоляции лица от общества, а лишь как место отбывания лишения свободы [28]. Именно поэтому законодатель отдельно выделил в данной статье такую разновидность деяния как побег из-под ареста.

Поэтому спорно отнесение к местам лишения свободы дисциплинарной воинской части. Такое содержание является самостоятельным видом уголовного наказания, отличным как от ареста, так и от лишения свободы.

Если побег из дисциплинарной воинской части квалифицировать по ст. 313 УК, то это чистой воды аналогия применения уголовного закона, что в соответствии с ч. 2 ст. 3 УК запрещено и неправомерно. Но это вовсе не означает, что такое деяние не является преступным. Думается, что законодатель, не упомянул о нем в ст. 313 УК, так как его совершение рассматривается как посягательство на иной основной объект, на установленный порядок несения воинской службы [43].

Побег из места лишения свободы не всегда означает оставления территории соответствующего учреждения, поскольку заключенные могут вполне законно находиться вне такой территории без сопровождения конвоя. Под ст. 313 УК однозначно подпадают ситуации, связанные с выездом за

пределы административно-территориального образования, в котором дислоцируется исправительное учреждение [22]. В первую очередь это касается заключенных колоний-поселений. С разрешения администрации исправительного учреждения такие лица могут передвигаться без надзора вне колонии-поселения, но в пределах территории соответствующего административно-территориального образования, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы либо в связи с обучением. Также в качестве поощрения они могут проводить выходные и праздничные дни за пределами колонии-поселения [47].

Разрешение на передвижение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения дается также положительно характеризующимся осужденным, отбывающим лишение свободы в исправительных и воспитательных колониях, а также осужденным, оставленным для ведения работ по хозяйственному обслуживанию в следственных изоляторах и тюрьмах, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы. При этом им может быть предоставлено право проживания в общежитии за пределами исправительного учреждения, но в границах, установленных администрацией исправительного учреждения по согласованию с органами местного самоуправления. Разрешение на проживание и работу за пределами исправительного учреждения, но под надзором его администрации выдается также «осужденным:

- отбывающим наказание в облегченных условиях;
- освобожденным из-под стражи в целях успешной социальной адаптации за шесть месяцев до окончания срока наказания» [23].

Также «свободное передвижение без сопровождения может быть связано с предоставлением длительных свиданий в форме совместного проживания с близкими родственниками за пределами исправительного учреждения. Побег в таком случае выражается в незаконном оставлении определенного администрацией места проведения длительного свидания,

находящегося за пределами исправительного учреждения места, либо в отклонении от установленного маршрута передвижения» [24, с. 592].

Нахождение под стражей есть такое состояние несвободы гражданина, которое обеспечивается специально уполномоченными на то лицами, осуществляющими за заключенными под стражу надзор, их охрану и препятствующими их общению без специального на то разрешения с лицами, находящимися на воле [25].

В русском языке «стражить» или «сторожить» значит «беречь, стеречь, караулить, охранять» [28], а производное «страж» обозначает «караульщика, безотлучного надсмотрщика, блюстителя, надзирателя, часового» [28]. То же значение придается собирательному понятию «стража» [28].

Побег из-под стражи нередко проявляется как незаконное оставление места содержания под стражей. Перечень таких мест также определен в Законе о содержании под стражей. Таковыми признаются:

- следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы;
- изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых ОВД;
- изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов ФСБ России (ст. 7 Закона).

Допускается содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы и на гауптвахтах. Однако понятие «побег из-под стражи» законодатель не связывает с оставлением какого-либо конкретного места.

Ключевым является самовольное освобождение гражданина из-под контроля лиц, обязанных осуществлять за ним надзор и его охрану. «Это может произойти при конвоировании, в ходе этапирования, в зале суда, в месте производства следственных либо иных процессуальных действий. При этом для квалификации по ст. 313 УК независимо от разновидности и формы побега

не имеет значения, надлежащим ли образом выполнялись служебные обязанности уполномоченными лицами» [31].

Так, «по ч. 1 ст. 313 УК РФ был осужден П., который совершил преступление при следующих обстоятельствах. 11 ноября 2013 г. П. был доставлен для производства следственных действий из СИЗО № 1 Волгоградской области в ИВС УВД г. Волгограда. Воспользовавшись отсутствием наблюдения за ним сотрудников полиции, охраняющих ИВС, П. открыл окно кабинета, в котором содержался, проник через оконную решетку, спрыгнул со второго этажа здания на козырек подвального помещения, перелез через изгородь, находящуюся вокруг здания ИВС и скрылся. Впоследствии был задержан сотрудниками полиции» [44].

«Время совершения данного преступления может быть любым и не имеет значения для квалификации побега» [24].

«Момент юридического окончания состава побега не совпадает с его фактическим завершением» [23]. Юридически состав окончен с момента оставления соответствующего места или выхода из-под контроля соответствующих уполномоченных лиц. Оставление же соответствующего места констатируется не ранее, чем лицо миновало его территорию, преодолело последнее заградительное сооружение или иной элемент охраны [14].

Затруднения вызывает определение момента окончания побегов осужденных, пользующихся правом бесконвойного передвижения и находящихся за пределами колонии на законных основаниях. Правы А.В. Шеслер и А.В. Симахин, считая побег в подобных ситуациях окончанным с момента выхода осужденного за пределы маршрута передвижения [52].

По мнению Л.В. Лобановой, «это преступление следует считать окончанным, когда субъект покинул границы контролируемой территории, и у него появилась реальная возможность физической свободы, утраченная в связи с примененными к нему ограничениями и лишениями» [33, с. 13].

Так, «гр. К. за совершение ряда преступлений был заключен под стражу в качестве меры пресечения. 5 июля 2008 г. после допроса в кабинете следственной части УВД Самарской области он конвоировался следователем. Проходя мимо поста № 3, К. внезапно через дверь выбежал на улицу и побежал по направлению к центру города. Однако, пробежав около 50 метров, К. был задержан преследовавшими его работниками милиции. Органами следствия данные действия К. были квалифицированы по ч. 1 ст. 313 УК РФ. Самарский областной суд признал квалификацию действий К. неправильной, так как преступление не было доведено до конца, и произвел оценку содеянного по ст. 30 и ч. 1 ст. 313 УК РФ» [45].

С момента юридического окончания состава невозможен добровольный отказ от преступления.

Так, «П. за совершение кражи был привлечен в качестве обвиняемого и иные меры пресечения в отношении него было избрано заключение под стражей. 29 июня 2007 г. П. был доставлен из СИЗО в линейный отдел внутренних дел. По окончании следственных действий Г. вывела П. из здания и повела его к машине, на которой П. должен был отправиться в СИЗО. Воспользовавшись тем, что кроме следователя других работников милиции не было, П. сбежал из-под стражи, но затем на следующий день вечером добровольно возвратился в милицию. Ярославский областной суд квалифицировал указанные действия по ч. 1 ст. 313 УК РФ» [46].

Как и все иные длящиеся преступления, побег из мест лишения свободы фактически завершается вследствие действия самого виновного, направленного к прекращению преступления или наступления событий, препятствующих совершению преступления.

Учитывая длящийся характер побега, возникает вопрос, следует верно оценивать действия других лиц по укрывательству беглецов. При таких действиях момент фактического завершения преступления еще не наступил. В связи с этим имеет место дуализм – расценивать такие действия по отношению к побегу как пособничество или как укрывательство.

Прав В. Чернов, что «...соучастие в совершение побега из места заключения или из-под стражи возможно лишь до момента его юридического окончания. Всякое оказание помощи виновному после побега, например, предоставление убежища, снабжение поддельными документами, продуктами питания, деньгами, должно квалифицироваться как укрывательство» [65]. По сути, такое деяние направлено на сокрытие преступника, чтобы он избежал наказания. Но соучастием оно может быть признано только, если было заранее обещано.

Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи не относится к особо тяжким. Однако это не значит, что оказание помощи уклоняющемуся от наказания преступнику всегда ненаказуемы. Это зависит от характера и степени общественной опасности преступления, за которое сбежавший был лишен свободы.

Таким образом, можно сделать вывод, что побег является одним из способов уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы. Поэтому ст.ст. 313 и 314 УК РФ являются равнозначными нормами, представляющими различные способы уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы. В связи с этим целесообразно объединить эти составы в одной статье.

2.2 Субъективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ

Еще одним ключевым аспектом характеристики состава рассматриваемого преступления является его субъективная сторона.

Прежде всего, при квалификации рассматриваемого преступления как в теории, так и на практике возникает вопрос о наличии специальной цели – уклонения от отбывания наказания.

Из смысла уголовного закона вытекает умышленная вина данного деяния. Лицо должно осознавать как факт своего нахождения в особом

положении заключенного, так и факт оставления места содержания, а также незаконности совершаемых действий. Умысел имеет специальный характер, что предопределяет наличие специальной цели. Закон такую цель не называет, но она вытекает из самой сути деяния – совершая побег, лицо нацелено на самоосвобождение из заключения. При этом лицо желает избежать этого не временно, а постоянно, то есть на неопределенный период времени, что и предопределяет длящийся характер этого преступления [7].

Возможно также наличие цели и второго уровня, то есть непосредственной цели самого уклонения. Однако, она может быть любой и квалифицирующего значения для побега не имеет.

В судебной практике относительно специальной цели также нет единого подхода.

Так, «Ворошиловским районным судом г. Волгограда М. осужден по ч. 1 ст. 313 УК РФ. Он признан виновным в побеге из места лишения свободы.

Отбывая наказание в исправительно-трудовом учреждении и воспользовавшись предоставленным ему правом бесконвойного передвижения, М. <дата> в 15.00 час. ушел с территории учреждения без разрешения администрации и отсутствовал до 00.00 – до задержания его сотрудниками полиции в общежитии завода.

Судебная коллегия по уголовным делам Волгоградского областного суда приговор оставила без изменения.

Президиум Волгоградского областного суда протест прокурора оставил без удовлетворения.

Заместитель Генпрокурора РФ поставил вопрос об отмене судебных решений с прекращением дела за отсутствием в действиях М. состава преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ протест удовлетворила, указав следующее.

В судебном заседании М. не признал своей вины и показал, что действительно без разрешения администрации находился до ночи за

пределами территории учреждения, но умысла на совершение побега не имел, он вынужденно остался на ночь у знакомых в связи с алкогольным опьянением.

По смыслу ст. 313 УК РФ побег из мест лишения свободы может совершаться только с прямым умыслом с целью уклонения от отбывания наказания. Поэтому уголовную ответственность за побег из мест лишения свободы М. может нести, если в материалах дела содержатся доказательства, подтверждающие наличие у него умысла на уклонение от отбывания наказания.

Однако оснований признать, что собранными по делу доказательствами установлено наличие у М. умысла на побег из места заключения с целью уклонения от отбывания наказания, не имеется.

Такого основания нет ни в приговоре, ни в кассационном определении; ни в постановлении президиума областного суда.

Материалы дела указывают лишь на сам факт оставления М. места отбывания наказания без разрешения администрации и обстоятельства задержания М., что последний и не оспаривал. Оценки показаний М., мотивировки квалификации его действий по ч. 1 ст. 313 УК РФ как совершение побега с целью уклонения его от отбывания наказания в них не содержится.

Объяснения М. свидетельствуют о нарушении им правил поведения и условий содержания осужденных в исправительно-трудовых учреждениях и действующих правил поведения осужденного, пользующегося правом передвижения без конвоя, влекущих дисциплинарную ответственность и лишение права передвижения без конвоя.

Поэтому органы следствия и суд, признавая М. виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, обязаны были представить доказательства, подтверждающие наличие у него умысла на совершение им уголовно наказуемого преступления» [44].

Позиция Верховного Суда РФ верна, так как учитывает специфику побега из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи как посягательства на правосудие.

Определенно, специальная цель побега заложена в смысл нормы закона. Поведение лица определяет стремление уклониться от заключения и самоосвободиться.

Выяснение цели также важно для отграничения побега из мест заключения от сходных с ним дисциплинарных проступков – нарушение маршрута передвижения, самовольный выход за границы территории ИУ.

По мнению А.И. Друзина, «определяющим является не сам факт самовольного изменения маршрута передвижения либо выхода за границы района, установленного администрацией учреждения, а в связи с чем это сделал осужденный» [10, с. 52]. А заключенный совершает побег именно с целью самоосвободиться и избежать заключения, то есть нарушить принятый судебный акт [10]. При это специальный умысел и специальная цель взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Надо выяснять, какую цель преследовал заключенный – полностью самоосвободиться или временно отклониться от маршрута передвижения. Может иметь значение и характер самого деяния. Эти обстоятельства позволяют разграничивать преступное и дисциплинарное правонарушение и их последствия.

Есть мнение, что определение цели побега из места лишения свободы или из-под ареста не является основополагающим. В.В. Смирнов считает, что «даже при отсутствии цели уклониться от отбывания наказания можно говорить о составе преступления, предусмотренном ст. 313 УК РФ, так как бывают случаи, когда побеги совершаются ради других целей» [53]. Это справедливо, ибо у заключенных может возникнуть ложное впечатление, что побег допустим при наличии иного целеполагания, оправдывающего такой поступок.

Иного мнения Ш.С. Рашковская, предлагающая «временное оставление места заключения без намерения уклониться от отбывания наказания, например, с целью проведать свою семью, считать не преступлением, а проступком, влекущим ответственность в дисциплинарном порядке» [48].

Поскольку объект рассматриваемого преступления и иных преступлений против правосудия специфичен, то и субъект их также специфичен, повлиять на интересы правосудия и развитие процессуальных и связанных с ними отношений способно не любое лицо, а обладающее дополнительными специальными признаками – специальным правовым статусом.

Соответственно, субъект побега помимо того, что является физическим вменяемым лицом, достигшим возраста 16 лет, должен быть заключенным – осужденным к лишению свободы или аресту, либо содержаться под стражей, либо быть задержанным по подозрению в совершении преступления.

Не могут быть субъектам задержанные в административном порядке, незаконно осужденные либо те, которым мера пресечения избрана незаконно.

Оказание какой-либо помощи в подготовке или реализации побега расценивается как пособничество.

В качестве субъектов рассматриваемого преступления закон называет две категории граждан:

- лица, отбывающие наказание;
- лица, находящиеся в предварительном заключении [22].

Под первыми понимаются граждане, реально отбывающие лишение свободы или арест. Причем это не только осужденные непосредственно к этим видам наказания, но и отбывающие их опосредованно:

- в результате замены смертной казни пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет в порядке помилования;
- в результате замены другого более мягкого наказания арестом или лишением свободы на основании постановления судьи [9].

Спорно утверждение Л.Г. Крахмальника, что «субъект побега – это вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, в отношении которого имеется вступивший в законную силу приговор, где в качестве меры наказания определено лишение свободы на определенный срок или пожизненное лишение свободы либо арест» [29].

Понятие «предварительное заключение» охватывает собой все формы законного содержания под стражей до вступления приговора в законную силу, а именно:

- содержание под стражей обвиняемых и подозреваемых в порядке меры пресечения;
- содержание под стражей подозреваемого или обвиняемого, задержанного согласно уголовно-процессуальным нормам [31].

«Предварительное заключение» шире, чем «содержание под стражей в качестве меры пресечения», поскольку границы предварительности очерчиваются вступлением приговора в законную силу, а потому охватывает все формы содержания под стражей.

В специальной литературе предлагается дифференцировать уголовную ответственности за побег. В частности, выделить в самостоятельные составы побег из мест лишения свободы и побег из мест предварительного заключения, основываясь, в том числе, на свойствах их субъектов.

Так, Л.Г. Крахмальник настаивает, «что санкция первого состава должна быть выше, чем второго, поскольку во втором случае субъектом является лицо, еще не признанное преступником, а для первого субъекта побег - это уже как минимум второе преступление» [29].

Кроме того, данные меры отличаются по своей природе, поэтому в уголовном законе должны различаться и производные от них побег в плане регламентации уголовной ответственности наказания.

Это далеко не новый подход, такие различия проводились еще в дореволюционном законодательстве [49].

А.И. Друзин ведет речь о лицах, осужденных к лишению свободы, вне зависимости от его вида [11]. Но тогда из числа субъектов преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, исключаются лица, отбывающие лишение свободы в порядке замены другого наказания. Так быть не должно, поскольку конструкция в законе не позволяет делать такой вывод. Законодатель в ст. 313 УК акцентирует внимание лишь на самом факте побега, не придавая значения тому, на каком основании лицо находилось в соответствующих местах заключения.

К наказанию в виде лишения свободы могут приговариваться несовершеннолетние в возрасте от 14 до 15 лет. Соответственно, фактически они могут совершить побег, однако в соответствии со ст. 20 УК они не могут быть субъектами по ст. 313 УК. В таком случае содеянное расценивается как дисциплинарный проступок и влечет дисциплинарное воздействие (п. п. «а» и «б» ст. 115, ст. 136 УИК) [4].

В связи с этим Р.Е. Джансараева предлагает установить уголовную ответственность по ст. 313 УК с 14 лет, поскольку «несовершеннолетние, совершающие побеги, не поддаются исправлению другими методами. К тому же 18,1% бежавших совершают новые, в том числе тяжкие, преступления» [9].

Необходимо рассмотреть и, так называемое, «право на побег».

В.П. Малков наделял таким правом лиц, которые были незаконно осуждены к лишению свободы или заключены под стражу [35]. Такой подход в некоторой степени соотносится со ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [26].

Итак, одним из ключевых аспектов характеристики состава рассматриваемого преступления является его субъективная сторона.

Прежде всего, при квалификации рассматриваемого преступления как в теории, так и на практике возникает вопрос наличия специальной цели – уклониться от заключения.

Из смысла уголовного закона вытекает умышленная вина данного деяния. Лицо должно осознавать как факт своего нахождения в особом

положении заключенного, так и факт оставления места содержания, а также незаконности совершаемых действий. Умысел имеет специальный характер, что предопределяет наличие специальной цели. Закон такую цель не называет, но она вытекает из самой сути деяния – совершая побег, лицо нацелено на самоосвобождение из заключения. При этом лицо желает избежать этого не временно, а постоянно, то есть на неопределенный период времени, что и предопределяет длящийся характер этого преступления [7].

Возможно также наличие цели и второго уровня, то есть непосредственной цели самого уклонения, однако, она может быть любой и квалифицирующего значения для побега не имеет.

В судебной практике относительно специальной цели также нет единого подхода.

Определенно, специальная цель побега заложена в смысл нормы закона. Поведение лица определяет стремление самоосвободиться и уклониться от заключения.

А заключенный совершает побег именно с целью самоосвободиться и избежать заключения, то есть нарушить принятый судебный акт. При этом специальный умысел и специальная цель взаимосвязаны и взаимообусловлены. Надо выяснять, какую цель преследовал заключенный – полностью самоосвободиться или временно уклониться.

Поскольку объект рассматриваемого преступления и иных преступлений против правосудия специфичен, то и субъект их также специфичен, так как повлиять на интересы правосудия способно лицо со специальными признаками – специальным правовым статусом.

Предлагаем дифференцировать уголовную ответственности за побег, выделив в самостоятельные составы побег из мест лишения свободы и побег из мест предварительного заключения. Данные меры отличаются по своей природе, поэтому в уголовном законе должны различаться и производные от них побеги в плане регламентации уголовной ответственности наказания.

Общественная опасность побега как общеуголовного преступления заключается в грубом прерывании исполнения приговора о применении наказания в виде лишения свободы или решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, отвлечении сил и средств для поиска бежавшего, создании опасности совершения бежавшим новых преступлений. Важно обратить внимание на то, что в самой ст. 313 УК РФ специальная цель в качестве конструктивного признака не указана. Совершая побег, лицо всегда осознает, что таким образом самоуклоняется от заключения и причиняет вред интересам правосудия.

Главное при анализе признаков состава не принимать поспешных решений, детально и скрупулезно анализировать их содержание, исключать дублирующие или неопределенные формулировки. Это будет способствовать качественной регламентации и эффективному применению.

Глава 3 Проблемы квалификации побега из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи

3.1 Спорные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ

Долгое время в сфере ответственности за преступления, посягающие на функционирование исправительных учреждений, не было значительных изменений. Законодательство «застоялось», и образовались проблемы, выражающиеся в ошибках и трудностях квалификации таких преступлений.

В ст. 313 УК усилена дифференциация ответственности за побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи. Выделен особо квалифицированный состав побега, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ч. 3). Деяние, предусмотренное ч. 2, отнесено к преступлениям средней тяжести, тогда как ранее побег, совершенный группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, являлся тяжким преступлением.

В ч. 2 ст. 313 УК РФ содержится два квалифицирующих признака – совершение деяния группой лиц по предварительному сговору и организованной группой.

Определение понятий «совершение преступления по предварительному сговору группой лиц» и «совершение преступления организованной группой» дается в ст. 35 УК РФ, что применимо и для уяснения содержания квалифицирующего признака, предусмотренного ч. 2 ст. 313 УК РФ.

Высказывается мнение о спорности решения законодателя объединить эти две формы соучастия в одной части статьи.

Во-первых, это две различные формы соучастия, которые имеют различные правовые последствия для квалификации преступлений. При

совершении побега группой лиц по предварительному сговору все участники такой группы признаются исполнителями, что не исключает возможной квалификации действий других соучастников как пособников, подстрекателей или организаторов со ссылкой на ст. 33 УК РФ [66].

В случае совершения побега организованной группой, действия всех участников группы квалифицируются как соисполнительство независимо от их роли в совершении преступления [66].

Соответствующие разъяснения по квалификации преступлений содержатся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, что является действенным инструментом противодействия организованной преступности [42]. Хотя, как заметил Р.Р. Галиакбаров, «и могут служить каналом необоснованного повышения репрессивности уголовного закона» [6].

В создавшейся ситуации правоприменителю нет необходимости досконально устанавливать в каждом конкретном случае признаки определенной формы соучастия, поскольку в любом случае содеянное будет квалифицировано по ч. 2 ст. 313 УК РФ.

Следует закрепить совершения побега организованной группой в качестве особо квалифицированного признака. Это будет соответствовать принципам уголовного закона и основам законодательной техники, устранил проблемы квалификации побегов, совершаемых в соучастии. Например, неудавшееся соучастие расценивается как приготовление к преступлению. Но согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Преступление, определенное в ч. 2 ст. 313 УК РФ относится к преступлениям средней тяжести. В итоге получается, что побег, приготовление орггруппы к побегу не будет уголовно наказуемо, равно как и неудавшееся соучастие организатора, подстрекателя или пособника в составе орггруппы [6].

Помимо этого, получается, что и основной состав побега, и квалифицированный, совершенный организованной группой, являются по ст. 313 УК преступлениями средней тяжести, и за них можно назначить

одинаковое наказание, что явно противоречит ч. 2 ст. 6 УК о принципе справедливости: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» [62].

Все эти противоречия устранимы, если сделать признак организованной группы особо квалифицирующим, перенеся его в ч. 3 ст. 313 УК и сделав такой состав тяжким по наказуемости.

Таким образом, надо отказаться от совмещения в ч. 2 ст. 313 УК двух разных форм соучастия и разместить их в разных частях статьи.

Спорным также представляется вопрос – можно ли считать содеянное побегом, если осужденный, содержащийся в колонии-поселении, оказался вне ее территории без сопровождения конвоя.

С разрешения администрации исправительного учреждения такие лица могут передвигаться без надзора вне колонии-поселения, но в пределах территории соответствующего административно-территориального образования, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы либо в связи с обучением. Также им в качестве поощрения разрешается проводить выходные и праздники за пределами колонии [25].

Передвижение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения возможно также положительно характеризующимся осужденным, отбывающим лишение свободы в исправительных и воспитательных колониях, а также осужденным, оставленным для ведения работ по хозяйственному обслуживанию в следственных изоляторах и тюрьмах, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы. При этом им может быть предоставлено право проживания в общежитии за пределами исправительного учреждения, но в границах, установленных администрацией исправительного учреждения по согласованию с органами местного самоуправления. Разрешение на

проживание и работу за пределами исправительного учреждения под надзором его администрации дается отбывающим наказание в облегченных условиях, и за шесть месяцев до окончания срока для успешной социальной адаптации.

Также передвижение без сопровождения может связываться с длительным свиданием с совместным проживанием с близкими за пределами колонии. Порядок и условия этого мероприятия определяется администрацией. Побег при таких обстоятельствах выражается в незаконном оставлении места, находящегося за пределами ИУ, где осужденному было дозволено находиться.

Еще одним дискуссионным вопросом является оставление военнослужащими гауптвахт. Так, О.К. Зателепин отмечает, что квалификация побегов военнослужащих с гауптвахты представляет теоретический и практический интерес [15].

Допускается содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы и на гауптвахтах.

Для верной квалификации побега военнослужащих с гауптвахты требуется анализ ряда факторов. Во-первых, продолжают ли военнослужащие в этот период проходить военную службу и обладать статусом военнослужащих. Во-вторых, рассматривается ли гауптвахта в качестве места прохождения военной службы.

В Федеральном законе от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [64] обозначены ключевые моменты начала и окончания военной службы.

Определенные обстоятельства закон связывает с прекращением либо приостановкой воинского статуса. Воинский статус утрачивается в связи с окончанием военной службы, а именно со дня истечения срока военной службы и исключения из списков личного состава воинского подразделения.

Если военнослужащие находятся под следствием, содержатся под стражей на гауптвахте или в СИЗО, то по истечении срока военной службы они не исключаются ни из сферы военно-служебных отношений в целом, ни из списков личного состава воинского подразделения. А срок окончания военной службы переносится на более позднее время. Соответственно, они продолжают оставаться военнослужащими и активными участниками военно-служебных отношений.

Таким образом, лица, содержащиеся на гауптвахте, не утрачивают правового статуса военнослужащих, а оснований не считать гауптвахту местом прохождения военной службы нет.

По своему характеру воинским правонарушением является также побег с гауптвахты, совершенный военнослужащим, осужденным к содержанию в дисциплинарной воинской части. Лицо, осужденное к этому наказанию, также не перестает быть военнослужащим, субъектом военно-служебных отношений. Совершая побег с гауптвахты, такой военнослужащий, прежде всего, нарушает установленный порядок пребывания на военной службе. Кроме того, нахождение осужденного к содержанию в дисциплинарной воинской части на гауптвахте не является мерой пресечения в виде заключения под стражу. В ст. 313 УК РФ предусмотрена ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, совершенный лицом, отбывающим наказание или находящимся в предварительном заключении. Военнослужащие, осужденные к содержанию в дисциплинарной воинской части, к этой категории лиц не могут быть отнесены, поэтому случаи их побега с гауптвахты не подпадают под признаки преступления, предусмотренного указанной нормой.

О.К. Зателепин обоснованно полагает, что «военнослужащие, осужденные к содержанию в дисциплинарной воинской части и находящиеся на гауптвахте, продолжают нести обязанности военной службы, сохраняют статус военнослужащего. Поэтому побег указанных военнослужащих с

гауптвахты, совершенный в целях уклонения от военной службы вовсе, является дезертирством» [15].

Авторы предлагают разным образом решать вопрос о квалификации по ч. 2 ст. 337 УК самовольного оставления части, совершенного военнослужащим, осужденным к содержанию в дисциплинарной воинской части, но находящимся на гауптвахте после вынесения приговора. Одни уверены, что эта норма может применяться только к военнослужащим, уже фактически прибывшим в дисциплинарную воинскую часть. Другие полагают, что эта норма распространяется и на случаи совершения самовольного оставления части, совершенного до прибытия осужденного в дисциплинарную воинскую часть, если к этому моменту приговор об осуждении к содержанию в дисциплинарной воинской части вступил в законную силу [16].

Поскольку при осуждении военнослужащего к содержанию в дисциплинарной воинской части мера пресечения в отношении него отменяется, то побег с гауптвахты должен квалифицироваться по ст. 337 УК как преступление против военной службы.

Военнослужащие, осужденные к содержанию в дисциплинарной воинской части, в случае побега с гауптвахты не могут быть привлечены к уголовной ответственности ни по ст. 313 УК, ни по ч. 2 ст. 337 УК. В зависимости от продолжительности самовольного отсутствия и цели побег такое деяние образует либо дисциплинарный проступок, либо преступление, предусмотренное ч. ч. 1, 3 и 4 ст. 337 или ст. 338 УК.

В целом у военнослужащего, привлеченного к уголовной ответственности за преступления, наказуемые лишением свободы, и в порядке меры пресечения содержащегося под стражей в СИЗО или на гауптвахте, принципиально меняется правовое положение по сравнению с другими военнослужащими, содержащимися на гауптвахте по иным основаниям. Такой военнослужащий исключается из сферы военно-служебных отношений, его правовой статус как подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления определяется Законом о содержании под стражей. То

обстоятельство, что арестованный содержится не в следственном изоляторе, а на гауптвахте, не меняет положения. Законом прямо предусмотрено использование гауптвахт для содержания под стражей военнослужащих, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. В данном случае, гауптвахта должна рассматриваться как разновидность места содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, а побег с гауптвахты с целью уклониться от уголовной ответственности за совершенное преступление должен квалифицироваться по ст. 313 УК.

С учетом правовых оснований нахождения на гауптвахте такие военнослужащие обладают еще и уголовно-процессуальным статусом как участники соответствующих уголовно-процессуальных отношений, поэтому они должны соблюдать порядок реализации избранной в отношении них меры пресечения. Таким образом, одновременно с обязанностями военной службы на них возложены обязанности уголовно-процессуального характера. Соответственно, побег таких лиц с гауптвахты есть уклонение от обязанностей в сфере правосудия. В итоге, побег заключенных военнослужащих с гауптвахты посягает на два объекта уголовно-правовой охраны – военную службу и правосудие [16]. В связи с чем можно говорить об идеальной совокупности соответствующих преступлений [67].

3.2 Отграничение состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, от смежных составов преступлений

Еще одним сложным направлением квалификации рассматриваемого состава преступления является его коллизионность с рядом других составов преступлений, совершаемых в пенитенциарной сфере и посягающих на функционирование уголовно-исполнительность системы, ее органов и учреждений, поскольку они имеют общую природу и направленность против интересов правосудия. При этом каждый из этих составов выступает в

качестве основания уголовной ответственности за определенное преступное нарушение интересов правосудия в различных его сферах [3].

Прежде всего, это специальный состав уклонения осужденного от отбывания наказания в виде лишения свободы (ст. 314 УК).

Это преступление направлено против нормальной деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы. Само деяние выражается в невозвращении осужденного, которому были предоставлены либо краткосрочный выезд за пределы места лишения свободы (ст. 97 УИК), либо отсрочка исполнения приговора (ст. 82 УК) [17].

Специальным субъектом преступления, предусмотренного ст. 314 УК является лицо, которое отбывает уголовное наказание в виде лишения свободы, и которому был предоставлен либо краткосрочный выезд за пределы места отбывания лишения свободы, либо отсрочка исполнения приговора и отбывания наказания в виде лишения свободы. То есть речь идет о реализации принципа гуманизма посредством предоставления осужденному возможности краткосрочного выезда за пределы места отбытия лишения свободы, либо отсрочки исполнения приговора или отбывания наказания.

В рамках состава уклонения от отбывания лишения свободы речь идет о наказуемости: невозвращения без уважительных причин после краткосрочного отпуска с выездом за пределы места отбытия лишения свободы; неявки для исполнения наказания без уважительных причин после срока предоставленной отсрочки либо после ее отмены.

Уважительность причин требует оценки в каждом конкретном случае. Это могут быть форс-мажорные обстоятельства (стихийные бедствия и пр.), а также личные и семейные обстоятельства (болезнь, смерть близких и пр.).

Объективная сторона выражается в деянии – уклонении от отбывания наказания, назначенного приговором суда. То есть речь идет об уголовно-наказуемом бездействии – невыполнении лицом возложенной на него обязанности явиться в установленный срок для дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы.

С субъективной стороны состав помимо вины в форме умысла характеризуется специальной целью – уклониться от отбывания наказания [59].

Также смежным с рассматриваемым является состав неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК).

В данной статье идет речь о злом неисполнении вступившего в законную силу судебного акта, вынесенного судом.

Обязательным объективным признаком данного состава является злость, который характеризуется неисполнением либо воспрепятствованием исполнению судебного акта. То есть деяние может быть совершено как в форме пассивного бездействия (неисполнение), так и активного действия (воспрепятствование) [57].

Неисполнение может представлять собой как прямой отказ от исполнения судебного акта, так и его саботирование.

Воспрепятствование рассматривается как разновидность неисполнения. Оно может быть выражено в активных действиях, направленных на обеспечение неисполнения судебного акта (сокрытие поступившего судебного акта, запрет подчиненным на его исполнение, препятствование доступу к имуществу и его описи, сокрытие имущества и пр.). Воспрепятствование является более изощренной и более опасной разновидностью неисполнения [7]. Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла, а также специальной целью – обеспечение неисполнения судебного акта. Субъект специальный – это лица, к чьим служебным полномочиям относится обеспечение исполнения судебного акта, создание для этого необходимых условий [59]. В целом присутствует определенная однородность составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 313-315 УК, поскольку они имеют общую природу и направленность против интересов правосудия. При этом каждый из этих составов выступает в качестве основания уголовной ответственности за определенное преступное нарушение интересов правосудия в различных его сферах.

Заключение

В современной России правосудие и функционирование такой его части, как уголовно-исполнительная система и меры уголовно-процессуального воздействия, находятся под пристальным вниманием.

Государство старается обеспечить правосудие и должное функционирование уголовно-исполнительной системы и непосредственно учреждений, исполняющих уголовные наказания и меры уголовно-процессуального воздействия. В связи с этим выделяются соответствующие разновидности преступлений, совершаемых в данной сфере. Прежде всего, это побег из специальных охраняемых мест лишения и ограничения свободы. Деятельность по профилактике, выявлению, квалификации, учету и расследованию побегов имеет определенные трудности и недостатки и нуждается в анализе и совершенствовании.

Государство ставит задачу по обеспечению должного функционирования этой сферы и деятельность ее органов и учреждений. Это касается и их охраны, в том числе с помощью средств, мер и инструментов уголовно-правового характера [40]. Качество работы данной системы органов и учреждений обеспечивает должное исполнение судебных актов и достижение целей правосудия, а, в конечном итоге, надлежащее функционирование всех институтов государства и качество жизнедеятельности общества, а в целом – национальную безопасность страны.

Соответственно, правосудие – это обособленная значимая сфера государственного управления, реализуемая в интересах общества и нуждающаяся в охране. Одновременно правосудие охватывает практически все сферы жизнедеятельности общества, поскольку призвано обеспечивать правопорядок и законность в общественных отношениях. Более того, частью этого порядка является неотвратимость привлечения к ответственности субъектов, допустивших преступное нарушение установленных прав, требований и запретов.

Содержание главы 31 УК РФ охватывает судебную власть как государственно-правовую категорию, обеспечивающую осуществление правосудия.

Выделяются соответствующие разновидности преступлений, совершаемые в данной сфере. Среди них побег из мест лишения свободы, предварительного заключения и из-под стражи, поскольку они представляют собой общественно опасное явление, несущее массу негативных последствий материального, организационного и социального характера как для общества, так и для государства в лице правосудия и уголовно-исполнительной системы.

Соответственно, эти составы относятся к деяниям против правосудия, ФСИН России относит их к группе особо учитываемых, что говорит об их повышенной общественной опасности.

Общественная опасность данных деяний выражается в том что они несовместимы с интересами правосудия, исключают возможность должного исполнения приговоров судов. Общественная опасность побегов связана также с тем, что субъекты не только игнорируют установки государственной правоохранительной системы, но и в дальнейшем продолжают свое противоправное поведение.

Среди составов против правосудия побег в большей степени распространен.

Признак времени для рассматриваемого состава не обозначен в ст. 313 УК.

Состав рассматриваемого преступления по конструкции формальный. Ключевым признаком является деяние, выраженное в активных действиях, направленных на побег. Поскольку состав формален, то последствия и причинная связь не обязательны.

Преступление длится и длится либо до задержания лица, либо до его явки с повинной.

Прежде всего, при квалификации рассматриваемого преступления как в теории, так и на практике возникает вопрос наличия специальной цели – уклониться от заключения.

Из смысла уголовного закона вытекает умышленная вина данного деяния. Лицо должно осознавать как факт своего нахождения в особом положении заключенного, так и факт оставления места содержания, а также незаконности совершаемых действий. Умысел имеет специальный характер, что предопределяет наличие специальной цели. Закон такую цель не называет, но она вытекает из самой сути деяния – совершая побег, лицо нацелено на самоосвобождение из заключения. При этом лицо желает избежать этого не временно, а постоянно, то есть на неопределенный период времени, что и предопределяет длящийся характер этого преступления [7].

Возможно также наличие цели и второго уровня, то есть непосредственной цели самого уклонения, однако, она может быть любой и квалифицирующего значения для побега не имеет.

В судебной практике относительно специальной цели также нет единого подхода.

Определенно, специальная цель побега заложена в смысл нормы закона. Поведение лица определяет стремление самоосвободиться и уклониться от заключения.

А заключенный совершает побег именно с целью самоосвободиться и избежать заключения, то есть нарушить принятый судебный акт. При это специальный умысел и специальная цель взаимосвязаны и взаимообусловлены. Надо выяснять, какую цель преследовал заключенный – полностью самоосвободиться или временно уклониться.

Поскольку объект рассматриваемого преступления и иных преступлений против правосудия специфичен, то и субъект их также специфичен, так как повлиять на интересы правосудия способно лицо со специальными признаками – специальным правовым статусом.

Побег может быть совершен как посредством соисполнительства (без распределения ролей), так и с распределением ролей между соучастниками.

В создавшейся ситуации правоприменителю нет необходимости досконально устанавливать в каждом конкретном случае признаки определенной формы соучастия.

Помимо этого, получается, что и основной состав побега, и квалифицированный, совершенный организованной группой, являются по ст. 313 УК преступлениями средней тяжести, и за них можно назначить одинаковое наказание. Это устранимо, если сделать признак организованной группы особо квалифицирующим, перенеся его в ч. 3 ст. 313 УК и сделав такой состав тяжким по наказуемости. Таким образом, надо отказаться от совмещения в ч. 2 ст. 313 УК двух разных форм соучастия и разместить их в разных частях статьи. Надо закрепить совершения побега организованной группой в качестве особо квалифицированного признака.

Главное при анализе признаков состава не принимать поспешных решений, детально и скрупулезно анализировать их содержание, исключать дублирующие или неопределенные формулировки. Это будет способствовать качественной регламентации и эффективному применению.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Алешкина Э.Н. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (к 160-летию принятия) // Правовая наука и реформа юридического образования. Процессуальное право и правовая культура: проблемы взаимодействия и развития: сб. науч. тр. Воронеж : Изд. Воронеж. гос. ун-та, 2005. Вып. 18. С. 7-23.
2. Антонян Ю.М. Преступность в местах лишения свободы и ее причины // Уголовное право. 2012. № 4. С. 101-104.
3. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М. : Госюриздат, 1963. 275 с.
4. Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права: монография / Пикуров, Н.И., Пудовочкин, Ю.Е., Толкаченко, А.А. и др.; под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. М. : РГУП, 2017. 480 с.
5. Власов И.С., Тяжкова И.М. Ответственность за преступления против правосудия. М. : Юрид. лит., 1968. 136 с.
6. Галиакбаров Р. Квалификация преступлений по признаку их совершения организованной группой // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 12-16.
7. Гонтарь Д., Гребенкин Ф. Уголовная ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта // Уголовное право. 2019. № 3. С. 24-27.
8. Горшкова Н.А. Нарушение деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. М. : Проспект, 2014. 152 с.
9. Джансараева Р.Е. Проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях: монография. Алма-Аты, 2010. 389 с.
10. Друзин А.И. Воспрепятствование исполнению судебного акта. Ульяновск : Дом печати, 2011. 181 с.
11. Друзин А.И. Предупреждение преступлений против правосудия, совершаемых лицами, отбывающими наказание (криминологические,

организационные и уголовно-правовые аспекты). Ульяновск : Изд. УлГУ, 2013. 128 с.

12. Егоров В.И. Уголовная ответственность за побег из мест заключения или из-под стражи: учеб. пособ. Рязань, 1984. 194 с.

13. Ефимов М.Б., Калинин Ю.Н. Ответственность за побег из места заключения или из-под стражи // Сов. юстиция. 1974. № 16. С. 4-8.

14. Жуйков А.Л. Уголовная ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи: Дисс ... к.ю.н. Н. Новгород, 2008. 214 с.

15. Зателепин О.К. К вопросу о квалификации побега, совершенного военнослужащим, содержащимся на гауптвахте. // Правосудие. 2009. № 4. С. 20-25.

16. Зателепин О.К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства: монография. М. : «За права военнослужащих», 2009. 288 с.

17. Иванов А.П. Деятельность пенитенциарной системы. // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 13-15.

18. История советского уголовного права / Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. М. : МЮ СССР, 1946. 466 с.

19. Князьков А.С. Применение огнестрельного оружия при задержании лиц, совершивших побег из-под стражи. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 1999. № 3(13). С. 29-31.

20. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.С. Михлина. М., 2018. 780 с.

21. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. М. : Юрайт, 2011. 967 с.

22. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева.- изд. 11-е. М. : Проспект, 2012. 878 с.

23. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. В.М. Лебедев.- изд. 17-е. М. : Юрайт, 2018. 1170 с.

24. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. А.В. Бриллиантова. М. : Прогресс, 2020. 792 с.
25. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. А.И. Рарога. - 15-е изд. М. : Проспект, 2020. 910 с.
26. Конвенция ООН о защите прав человека и основных свобод, утв. Резолюцией Генассамблеи ООН № ETS 005 от 04.11.1950 г. (г. Рим) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
27. Конституция РФ от 12.12.1993 г., с учетом поправок от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ и № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ // РГ. 2020. 4 июля.
28. Краткий словарь терминов по уголовному праву: Учеб. пособ. / под ред. Яцеленко Б.В., Боровикова В.Б. М. : Щит-М, 2010. 667 с.
29. Крахмальник Л.Г. Об ответственности за побег // Проблемы борьбы с рецидивной преступностью: Матер. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 6-9.
30. Кривошеин П.К. Повторность в советском уголовном праве (теоретические и практические проблемы) / под ред. Т.А. Ленской. Киев : Выща школа, 1990. 159 с.
31. Лесниевски-Костарева Т.А. Уголовное право: Словарь-справочник. М. : НОРМА, 2000. 422 с.
32. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград : Изд. ВолГУ, 1999. 268 с.
33. Лобанова Л.В. Преступные нарушения обязательности судебного приговора: учеб. пос. Волгоград : Изд. ВолГУ, 2004. 72 с.
34. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции: монография. М. : НОРМА, 2021. 912 с.
35. Малков В.П. Ответственность за побег из места заключения или из-под стражи // Правоведение. 2009. № 1. С. 14-20.
36. Михлин А.С. Уголовное право. Части Общая и Особенная: Вопросы и ответы. М. : Юриспруденция, 2011. 400 с.

37. Официальные статистические данные МВД России о состоянии преступности в России – <https://www.мвд.рф/deljatelnost/statistics/> (дата обращения: 25.05.2021).

38. Официальные статистические данные о деятельности УИС ФСИН России – <https://www.pda.fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 25.05.2021).

39. Официальный портал правовой статистики Генпрокуратуры РФ – <http://crimestat.ru> (дата обращения: 25.05.2021).

40. Перевозчиков А.К. Актуальные проблемы уголовно-правового обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 3. С. 43-48.

41. Пионтковский А.А. Советское уголовное право: Особенная часть. в 2-х т. Т. 2. М.-Л. : Госиздат, 1928. 428 с.

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

43. Правила отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими, утв. Приказом Минобороны России от 20.10.2016 г. № 680 // БНА. 2016 г. № 49.

44. Приговор Ворошиловского районного суда г. Волгограда по Уголовному делу № 1-20/2013 // Информационный правовой портал «Судебные и нормативные акты РФ» - www.sudact.ru (дата обращения: 17.05.2021).

45. Приговор Советского районного суда г. Самары по Уголовному делу № 4-07/2018 // Информационный правовой портал «Судебные и нормативные акты РФ» - www.sudact.ru (дата обращения: 17.05.2021).

46. Приговор Фрунзенского районного суда г. Ярославля по Уголовному делу № 2-54/2017 // Информационный правовой портал «Судебные и нормативные акты РФ» - www.sudact.ru (дата обращения: 17.05.2021).

47. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Уголовное право: Учебник для вузов. М. : Юристъ, 2010. 480 с.

48. Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия: учеб. пособ. / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М. : ВЮЗИ, 1978. 104 с.
49. Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти тт. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984-1991.
50. Сводные статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ о состоянии судимости в России – <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 25.05.2021).
51. Симаков Г.Ф. Уголовное право Российской Федерации. Часть Особенная: конспект лекций / под ред. Л.И. Александрова. М. : Инфра-М, 2011. 448 с.
52. Симахин А.В., Шеслер А.В. Объективные и субъективные признаки побега из мест лишения свободы, совершенного по предварительному сговору группой лиц // Актуальные проблемы правопедания в современный период: сб. науч. ст. Томск : Изд. Томского ун-та, 1996. С. 230.
53. Смирнов В.В. Предупреждение побегов из исправительных учреждений: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2009. 163 с.
54. Сундуrow Ф.Р., Талан М.В., Тарханов И.А. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник.- 2-е изд. М. : Проспект, 2020. 992 с.
55. Ткачевский Ю.М. Уголовная ответственность за побег // Законодательство. 2003. № 8-9.
56. Туркин А.А. Военские преступления в Артикуле воинском Петра Великого // Ученые записки ДЮИ / отв. ред. Е.И. Дулимов. Ростов-на-Дону, 2005. Т. 28. С. 145-147.
57. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник для бакалавров / под ред. А.И. Чучаева.- 5-е изд. М. : Проспект, 2020. 592 с.
58. Уголовное право России. Часть Особенная: Учебник / под ред. А.И. Рарога.- 10-е изд. М. : Проспект, 2020. 652 с.
59. Уголовное право России: Общая и Особенная части: учебник / под ред. В.К. Дуюнова.- изд. 6-е. М. : РИОР, 2019. 771 с.

60. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ // РГ. 1997. 16 января.
61. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // РГ. 2001. 22 декабря.
62. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 64-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
63. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 279.
64. Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // РГ. 1998. 2 апреля.
65. Чернов В. Соучастие в дящихся и продолжаемых преступлениях // Российская юстиция. 2009. № 7. С. 9-10.
66. Шумихин В.Г. Нормативные правила квалификации преступлений. Пермь : Изд. Пермского гос. ун-та, 2014. 116 с.
67. Яковлев А.М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1961. 234 с.